

Махунский район

Подготовила
студентка 32 группы
Козлова Ирина

1. Из истории образования города Шахунья

История образования названия поселка (позднее города) Шахунья

С давних пор течет в этих местах откуда-то из лесов, дальних маленькая речка. И везде, где на нее ни взглянешь, такой крохотной да узенькой она кажется, что через нее легко перешагнуть можно. За это, говорят, ее исстари так и назвали люди: «Шагунья да Шагунья». А потом приехали на те места жители Харьковской губернии. Ну, а украинцы-то, как известно, вместо «г» говорят «х». Так вот и речку ту они стали звать не Шагуньей, а Шахуньей. От украинцев и пошло название Шахунья. Здесьним людям слово это новое по душе пришлось, и они, вслед за украинцами, тоже начали называть свою речку Шахуньей. Потом тут, на этой речке, небольшое селение появилось. И получило оно свое название по имени речки. Так Шахуньей позднее и поселок стали звать, да и теперь тоже называют.

Записано от Александры Петровны Ивановой

1936 г.р. в г. Кулебаки

27 марта 1980 г. В.Н. Лещев

Версия краеведа В. Смирнова о происхождении названия деревни

(позднее города) Шахуньи

Шахунский район один из старейших в Нижегородской области. Образовался он из трех волостей при слиянии Хмелевицкой, Большешироковской, Черновской. В то время в небольшом рабочем поселке станции Шахунья было мало жилья и административных помещений, поэтому центром Шахунского района до 1930 года являлось село Хмелевицы.

Возникновение и развитие города Шахуньи связано со строительством железнодорожной магистрали Нижний Новгород – Котельнич.

Проектировочные работы по ее строительству начались в начале 20 века. В конце июля 1912 года группа проектировщиков железной дороги Нижний Новгород – Котельнич достигла реки Шары. В сторону Котельнича перед ними встал сплошной стеной дремучий вековой лес. Мрачен, показался он людям. Все молча глядели туда, думая про себя каждый свою думу. Без тропинок и дорог через лесную лось, мимо медвежьих берлог предстоял их дальнейший путь. Труден был он. Надо на себе было тащить запас пищи, проектировочный инвентарь, одежду.

И там, где-то в лесу, километрах в шести от реки Шары должна быть железнодорожная станция. Ее надо планировать узловой.

Усталость людей ощущалась все больше и больше. Но надо было дойти до места будущей большой станции. Там можно было бы и отдохнуть. На пути людей повстречалась деревушка. Домов 20 было в ней. Конец ее под острым углом упирался в будущую железнодорожную магистраль.

Взоры людей ласкали больше крестьянские избы. Стояли они по обеим сторонам небольшой речки. Узкая пойма ее заросла ивняком и ольшаником.

Подойдя к деревушке, людей встретила бодрящая прохлада речки, чистота воздуха, напоенного цветочным ароматом. Несколько жителей деревни встрестили пришельцев: «Откуда шахайте?» - спросил их высокий, седой, с окладистой головой дед Иван.

Немного певучий с оканьем и преобладанием звука «це» говорок вызвал добрую улыбку проектировщиков. Доброта и гостеприимство крестьян так и пленили пришедших людей. На просьбу проектировщиков, чего только и не принесли они из продуктов: молоко холодное из погреба, кипяченое, творог, сметану, яички, колобки с картофелем, ватрушки, огурцы, квас, картошку вареную. После сытного обеда не хотелось идти дальше, и проектировщики остановились на отдых в этой гостеприимной деревне Шахунье. Разместились они в просторной избе деда Ивана, на самом берегу речки Шахунки. Вечер ненадолго прервал тишину и покой и наполнил деревню певучим говором ее жителей, мычанием коров и блеянием овец. Это

деревенское стадо пригнали с лесной пастьбы. Потом до слуха уставших и засыпающих в сарае на душистом сене проектировщиков донеслись из села Лужайки веселые звуки русской гармонии. На речку Шахунку лег густой туман. Все погрузилось в сон.

Утро, теплое, солнечное, радушно встретило проектировщиков дороги. Умываться – на речку. Чистая, как слеза, вода, журчит в некоторых местах. Есть и бочаги, глубокие, метра два глубины и шириной около трех. А в них – рыба трещади, сороги плавают. Есть и покрупнее – окуни, налимы. Эх, ухи бы отведать! Мальчишки выручили. Принесли из дома решета, которым, женщины муку сеют, и наловили налимов.

Пять дней прошли незаметно. Пора за работу. Уходя, проектировщики с грустью смотрели назад, на деревню, вспоминая ее жителей и свой благодатный короткий отдых. Жаль было покидать это место.

Но вскоре на их пути встретилась еще одна деревушка – Харламовцы. Вот задача. Как же теперь назвать железнодорожную станцию, в будущем крупную, узловую. Ведь совсем рядом с ней деревня Харламовцы. Все еще впечатления короткого, приятного отдыха в деревне Шахунье не покидали проектировщиков. Надо назвать эту станцию Шахуньей: в честь той гостеприимной деревушки, в которой мы так славно отдохнули. Так и решили проектировщики. «Шахай» смело станция в будущее! И она зашагала. Всего спустя одиннадцать лет (1938 год) после ввода в эксплуатацию железнодорожной линии Нижний Новгород – Котельнич поселок при станции был отнесен к числу рабочих поселков городского типа. А через каких-то еще четыре года, в 1943 году, рабочий поселок Шахунья стал городом.

Версия краеведа П.С. Березина о происхождении названия деревни
(позднее города) Шахуньи

Небольшая деревушка Шахунья, домов на двадцать, окруженная вековыми лесами, получила свое название от речки Шахунки, впадающей в речку Шару в самом ее верховье.

Название речки объясняют по-разному. Одни говорят, что речка исстари была узкой, в любом месте ее легко было перешагнуть (перешагивать). Другие рассказывают, что в речной долине имелись большие запасы торфа. Торфяные берега легко размывала вода, особенно осенью во время дождей и в весеннее половодье. Только сделают жители деревни мосты через речушку, глядишь, а она уже изменила русло – шагнула в сторону. «А «шаха», по-древнерусски, - обман, - утверждает В. Киверин на страницах краеведческого сборника «Родная сторона» (Шахунья,2000),- значит, получается «Шахунья» - обманщица. Прошлый год текла здесь, привыкли, дороги провели, мосты построили, а на другой год, после половодья, - там. Шахунья и есть! А почему она русло меняла? Да от ненадежного основания. В ее пойме, что лежит за переездом между железной дорогой и шоссе Нижний Новгород – Киров торф добывали...»

Месторасположение станции Шахунья было определено между двумя небольшими речками: Черной и Самарихой. Железная дорога перпендикулярно пересекла обе речки. Местность была равнинной, низкой, в некоторых местах заболоченной.

Глухоманью, медвежьим углом называли наши края в те годы. И в таком дремучем месте стал строиться поселок Шахунья, который уже в 1930 году стал центром района, а в 1943-м ему был присвоен статус города.

2. Семейные предания

Семейное предание Рыбаковых о происхождении села Андрианово Шахунского района

По семейному преданию, его именем названо село Андрианово, ранее называвшееся «деревня Портомой». Содержание предания. Однажды, в период службы в армии (начало 1900-х годов), во время послеобеденного отдыха, казарму посетили высокопоставленные особы царской фамилии. Одна из них, Екатерина, пощекотала Андрея за пятку. Андрей, думая, что это шутят товарищи, пнул её. Узнав имя солдата, Екатерина повелела переименовать деревню Портомой в село Андрианово, - по имени Андрея Рыбакова. Правдивость предания подтверждается летописными данными. Так, Логинов В.П. в летописи «Наш край» (1956-1966) упоминает, что со строительством церкви в 1904 году деревня стала называться «село Андрианово», то есть строительство церкви и переименование поселения произошло во время службы Андрея в армии. Вернулся он уже в село своего имени. Дата построения церкви и переименование деревни в 1904 году подтверждается и воспоминаниями из рукописи жительницы села Хмелевицы Ковязиной Анастасии Григорьевны (1900-1988), учительницы Хмелевицкой средней школы («История рода Ковязиных», рукопись, 1986-1988).

Записано от Рыбакова Андрея Евгеновича
(1883-1947) в 2008 г. в д. Хмелевицы

3. Обрядовые традиции Шахунского района

Сезонные, семейные, бытовые праздники и обряды – неотъемлемая составляющая крестьянской культуры. Так, обряд Выкликание предков и хоровод «Хмель» (по первым словам: «Как на нашей на сторонке») исполнялся один раз в год, исполнялся один раз в год, после Пасхи, накануне праздника Олёны, на Красную горку в селе Хмелевицы. «Первый и последний раз я видел его вживую в 1945 году. Его водили хмелевицкие женщины. Теперь его исполняет народный хор «Хмеляна» села Хмелевицы» - рассказывал О. Козырев на Всероссийской научной конференции «Семейные ценности через музейный предмет» 2 октября 2008 г. Исторические песни в поэтически песенной форме повествуют о вполне конкретных исторических событиях. Таковы, например, песни «Вниз по матушке по Волге», «Вдоль по линии Кавказа».

И был у нас праздник в Хмелевицах – Олёны. Он и сейчас есть, конечно. Но это уже не то, хотя популярность его настолько велика, что и по сие время съезжаются к 3 июня со всех концов страны великой. На один день! В такие дали! И зачем? Да чтобы на кладбище родителей помянуть. Один раз в году у нас поминали на кладбище. Но зато так поминали, что, наверное, покойники в гробу переворачивались. На кладбище не пили, а угощались с родителями. Пивом. Хмельным. Густым. Темным. Пили дома, после кладбища. Там была и водка. Но пиво деревенское в этот день было в каждом доме обязательно. Водку пили, да, а поминали – пивом. Да чтобы пенилось. Нам, мальчишкам, с хмелевицкой горы было видно, как со всей округи по дорогам полевым через Хмелевицы, через кладбищенское поле, по пыльной дорожке, все более распаяясь, всхлипывая и постанывая, вся в слезах добежала она наконец до могилы, и тут уже не сдержат: «Ой, да посмотри-ка ты, да родной тятенька-а! Ой, да посреди-то ног да сирота лежит! Ой, да ты послушай моих ба-се-нок про житье мое сиротскоё. Ой, да при родимом-то при тятеньке, не вставала я ранёшенько. Ой, да не ломала белы рученьки на тяжелой на работушке! Ой! Ой, батюшки!» Бывало, плачет-

убивается бабенка на могиле умершего мужа, а новый супруг рядом стоит, успокаивает: «Ну что уж ты, право, не вернешь ведь – проживем, поминать будем», – и сам плачет. Сила воздействия таких плачей поразительная. Самые крепкие мужики стояли у могилы, глотая слезы. Даже одну плакальщицу невозможно выслушать, не всхлипнув. А тут – все кладбище: пластом лежат на могилах и воют. Гул страшного рёва, сливаясь в мощный, ураганом ревуший поток, слышен был за многие версты. Стоишь, бывало, на горе хмелевицкой, людей не видно, и кажется, что это не они, не люди, а само кладбище воет. Гудит, как в резонаторе. Сосны вибрируют. Воздух колышется, листья на тополях трепыхаются. А волна этого гула настолько плотна, густа и упруга, что давит на уши, сжимает виски. На упругой волне плача, кажется, даже мертвые могут воспрянуть. Выть умели все, но лучшие плакальщицы пользовались особым уважением.

Олег Михайлович Козырев
выдержка из доклада на
Всероссийской научной конференции
«Семейные ценности через музейный предмет»
2 октября 2008 г.

Похоронно-поминальный обряд с. Черное Шахунского района
Нижегородской области.

В селе Черное Шахунского района Нижегородской области, где большая часть старшего поколения считает себя старообрядцами, похоронная обрядность соблюдается неукоснительно, переходя из поколения в поколение. Главная хранительница традиций – бабушка Настасья, глава старообрядческой общины. Именно она решает, может ли человек быть похоронен по местному обряду, у нее берут благословение на погребение.

Условием для получения разрешения является соблюдение определенных правил: человек, собирающийся в последний путь должен попрощаться со всеми единоверцами. На случай внезапной кончины существует «отговор» на второй день Рождества во вторник, и ежегодное участие в общей молитве в течение всего Рождественского поста. Несоблюдение этих правил может привести к тому, что погребение будет без поминания, как здесь говорят, «поверху, а не на имя».

Вообще готовиться к дальней дороге человек начинает заранее. Обязательно готовит одежду, в которой его положат в гроб. Здесь это белый холщевый сарафан с проймами длиной до щиколоток, такая же рубаша с длинными рукавами без сборки у кисти и глухим воротом и белый платок для женщин, а для мужчин – белая холщевая рубаша и штаны. Все сшито «на живую нитку». На ноги готовят новые лапти с онучами или вязаными носками. Дополняется одежда саваном, накрывающим голову, плечи и все тело; открытыми остаются только лицо, грудь и руки.

В прежние времена заранее готовили и гроб: долбленную колоду хранили на чердаке или в амбаре. Теперь гробы стали дощатые, поэтому если и заготавливают заранее, то обычно доски, чтобы они были сухими, а гроб легким. Это тоже имеет значение, поскольку гроб до самого кладбища несут на руках, мужчину – мужчины, а женщину – женщины. Гроб ничем не обшивают ни снаружи, ни внутри. На дно кладут березовые веники, покрывают их белым холстом. Под голову готовят подушку, набитую листьями, травой или сеном. Прежде в подушку для погребения человек собирал все волосы, состриженные или выпавшие при расчесывании за всю жизнь, начиная с младенчества.

Получив известие о смерти человека, односельчане собираются к его дому. Все обязанности по проводам его в последний путь распределяют между собой единоверцы, практически освобождая от этого ближайших родственников.

Преставившегося обмывают (обязательно мужчины – мужчину, а женщины – женщину), одевают в смертную одежду, саван и укладывают на лавку или в гроб, если он уже готов, лицом к иконам. Руки складывают на груди, правая рука сверху, поверх рук платок и иконка Богородицы или Николы-угодника. Нижнюю часть тела до рук укрывают белой тканью. Зажигают свечи у икон, у гроба. День и ночь в избе молятся, сменяя друг друга, два человека. Родственники и односельчане приходят проститься с покойным на третий день, к выносу, который всегда происходит в полдень. К этому времени уже подготовлена могила, о чем сообщает вестник от копальщиков.

Покойного выносят из избы ногами вперед, поют при этом только «погребение», причеты и плачи не приняты даже у ближайших родственников, выражение скорби сдержанное, негромкое.

При выносе первому встречному подают «встречу» нитки, полотенце или другие тканые предметы – на помин души усопшего.

Родные прощаются с покойным, обходя гроб по часовой стрелке, каждый при этом произносит: «Раб божий, прости меня, Христа ради, тебя Бог простит».

Покойному закрывают лицо саваном, снимают нательный крест и надевают вместо него новый. Прежний либо кладут в гроб, либо оставляют в семье как память об ушедшем. В этом случае его промывают проточной водой. Недогоревшие свечи тоже кладут в гроб, крышку закрывают.

До кладбища гроб несут на полотенцах закрытым; ставят его над могилой на жерди, изножем на восток, поют над ним погребальные стихи, кадят гроб и опускают в могилу на полотенцах. Раньше полотенца отдавали копальщикам, домой не приносили и второй раз не использовали. Теперь чаще забирают с собой, стирают, сушат 40 дней на чердаке и используют при следующих похоронах.

Могилу закапывают копальщики, крест ставят в ногах. Кадят могильный холмик, поют духовные стихи. Затем зовут всех присутствующих поминать.

Поминки обычно происходят в доме покойного, где после выноса моют полы, накрывают столы белыми скатертями. На каждый стол кладется кучка ложек, обычно деревянных, часто новых или принадлежащих только единоверцам, ставится соль и сахарный песок. Спиртного на поминках не подают. Поминальная трапеза готовится заранее, количество и перечень блюд строго традиционны. На поминки могут придти все, без зова или приглашения, однако соблюдается определенная очередность, поскольку в небольшом помещении не могут сразу разместиться все. Первыми обедают старшие женщины, которые молились у гроба и на кладбище, затем копальщики и близкие, а затем все остальные. Еда подается в чашках, каждая на четверых, каждое новое блюдо в другой чашке; едят молча, истово, неспешно, однако не задерживаясь за столом дольше необходимого. Закончив трапезу, говорят: «Питайтесь, Христа ради, и не осудите, Христа ради». Затем встают и молятся «за обед», старшие поют духовные стихи.

По окончании поминок в день похорон вечером до заката солнца родственники еще раз посещают кладбище, молятся там, а уходя, говорят усопшему: «Не бойся, мы к тебе придем, а ты к нам не ходи».

Дальнейшее общение с покойным осуществляется через молитву и поминки. Поминают ежедневно до 9-го дня, раздавая милостыню; также поминают на 20-й день и по истечении полугода. На девятый, сороковой день и по истечении первого, второго и третьего года поминают таким же обедом, как и в день похорон. После этого поминают уже в общие для всех поминальные дни, а также в Вознесенье. В эти дни принято ходить на кладбище. На могилы приносят цветы, корм для птиц. Поминальных трапез на могилах не устраивают, оставлять еду для покойных на кладбище не принято. Вообще часто ходить на кладбище не рекомендуется, тем более не следует плакать и рыдать на могиле. «Не ходите и не ревите, - говорят

старшие родным, - не то ему (т.е. покойному) там мокро лежать будет». Гораздо правильнее будет подать милостыню, помолиться и тем выразить свои чувства, проявить милосердие.

При всей строгости похоронно – поминальных обычаев в них находят место милосердие даже к самоубийцам и другим людям, умершим без покаяния. За них можно подать «потайную милостыню»: родственники потихоньку, пока никто не видит, кладут на окошко соседней избы пирог или другую хлебную выпечку. И хотя всем известно, за кого она подана, ее принимают и молятся за упокой, не называя имени. Полагают, что это может облегчить участь грешника за гробом и горе его родных на этом свете.

Традиционные блюда, подаваемые на поминках в с. Черное Шахунского района

1. Окрошка; к ней подается разваренный горох с постным маслом;
2. Суп из соленых грибов – волнушек, с жареным луком, растительным маслом (в скоромные дни – добавляются яйца, взбитые с молоком);
3. Суп из сухих грибов с овсяной крупой или пшеном и обжаренным луком;
4. Рыбная каша: в бульон из свежей рыбы засыпают немного риса, варят до готовности; вареная рыба добавляется перед подачей на стол – с маслом или сметаной;
5. Каши: пшенная, рисовая, гречневая;
6. К кашам подается компот (тоже в блюде, едят ложками);
7. Кисель овсяный с медом или суслом, сладкое блюдо;
8. Варенец: в холодное топленое молоко добавляются распаренный изюм, нарезанные мелко яблоки, заправленные сахаром;
9. Пироги подаются ко всем блюдам: с супами – пироги с луком и крупой, с луком и яйцами, с рыбой, грибами и т.д.; сладкие к кашам, компоту, киселю, варенцу.

Запись произведена 21.01.2006 г.

в с. Черное Шахунского р-на

от Тузовой Александры

Валентиновны, 1945 г.р.

Особенности свадебного обряда Шахунского района

Свадебные песни включают в себя целый цикл записей свадебного обряда: сватовство, сиденье в сговорёнках, пропой невесты, венчанье, плачи и причитания невесты родителям, припевки подружек в невестиной бане и др.

Свадьбы в деревнях любили все жители. Дома, где проходили свадьбы, до отказа заполнялись соседями, как говорится, от мала до велика – все на свадьбе. Мне за свою жизнь не раз приходилось бывать на сватовстве невесты, на ее пропоях, на смотринах дома жениха, на девишниках, на сговорах, одним словом, на всех предсвадебных и послесвадебных мероприятиях.

Сватают отец и мать жениха, в присутствии последнего. Диалог начинал отец жениха:

-Прибыли мы к вам в столь поздний час по очень важному делу. Как нам стало известно, у вас красный товар есть, а нам его купить нужно. Сынок наш нуждается в нем. Нельзя ли взглянуть на ваш товар, а потом и по рукам?

– О каком товаре речь ведете? Мы люди неторговые и никакого красного товара нет в продаже. Нельзя ли поточнее сказать, что вы желаете купить?

– Дочку вашу повидать желательно. Наш покупатель, как видите, налицо, а ваш товар пока что скрыт.

– Это сделать можно. Верно говорите, скрытый товар не покупают.

После этого к сватам обычно выводили невесту. Если согласие на брак было достигнуто, тут же при сватовстве или при «пропоях» (т.е. ритуальном

угощении) устанавливался выговор – плата за невесту ее родителям. Возможен был следующий диалог:

– Мы согласны, - говорит отец невесты. – Пусть живут и радуются. Но, как испокон ведется, за невесту будет «выговор», вам придется поплатиться.

– Уж, коли так везде водится, то и мы возражать не будем. Хотелось бы знать, каков будет ваш «выговор» за невесту, сколько она будет стоить, и чем пожелаете за нее получить: хлебом или деньгами? Я вот за свою жену не деньгами платил, а ржаной соломой, одним гнилым обметом отделался. Вот какой был выговор покойного тестя. Хороший был старик, ценой не заносился.

В разговор вмешивается мать жениха: «Дурень ты окаянный, ври, да меру знай. Деньгами за меня платил! Уж очень дешево стал меня ценить за последние годы. А вот ты тогда гнилого–то обмета не стоил!» Перебранка носит шутливый характер, на шутки в этот день обижаться не полагалось. «Выговор» устанавливается общим согласием. Назначается день свадьбы.

Перед свадьбой – девичник. На девичник подруги невесты и жених с парнями приходили в дом невесты. При входе жениха в дом девушки пели ритуальные свадебные песни, сначала жениху:

Как по полю, полю чистому	Ищет он подругу милую,
Пронеслася тройка резвая.	Катю – доченьку Михайловну.
То промчался добрый молодец,	Ты встречай, Катя милая,
Николай да наш Иванович.	Позови его в светлу горенку.
Не страшится он темной ноченьки,	С ним приехали добры молодцы,
Не боится он волка лютого.	Неразлучные товарищи.

Затем, в ходе девичника, была исполнена и другая песня:

Как при вечере – вечеришнике,	А теперя сговоренушки,
Что при Катине девичнике	На серебряную полочку,
Прилетал тут ясен сокол,	Золоченую приборочку.
Ясен сокол – добрый молодец.	Тут и Катина матушка
Он садился в доме девушки,	

Его узнала и усмотрела,
Величать его заставила:
«Ты дите ли мое милое,
Приголубь ты ясна сокола,
Назови его по имени,
Взвеличай его по отчеству.»
«Родимая моя матушка,
Мне назвать его и хочется,
Но сердечко не воротится,

Ретивое испугалось.
Испугал родимый батюшка
Со приедем-то со сватушкой,
Пропивая меня, девушку,
На чужую на сторонушку.
Выдают меня, младехоньку,
Отрывают от родной семьи.
Как-то встретят люди новые,
Люди новые, незнакомые?

На сговорах в доме невесты парней и девок угощали сладким деревенским пивом, часто медовым, а они пели величальные песни. Сначала жениху:

Как у месяца звезды частые,
Как у солнышка очи ясные,
У Николая кудри русые,
Они серебром приувешаны,
Чистым золотом приукрашены.
По плечам лежат,
Жениться велят.

Ты женись, женись, добрый молодец,
Ты бери, бери красну девицу,
Красну девицу – Катерину Михайловну.
Уж как эта мне показалась,
По уму пришла и по разуму,
По обличию и по нравности.

После песни девки окружают жениха и требуют денег. Затем они становятся лицом к сговоренке и поют для нее:

Во лесу росла красна ягодка,
Красна ягодка – землянишенка.
Согревало ее солнце яркое,
Солнце яркое, солнце жгучее.
Поливал ее летний дождичек,
Летний дождичек, роса-матушка.
Прикрывал ее листок зелени,
Листок зелени – родна матушка.

Сохранял ее кустик вересу,
Кустик вересу – родной батюшка.
Не вечна краса сладкой ягодке,
Сладкой ягодке – красной девушке.
Каждой девушке суждено так быть,
Суждено так жить – без родителей.
Ты прильни смелей к новой травушке,
Ко свекровушке, словно к матушке.

У невесты молодежь денег не просит, зато она каждому певцу наливает хмельного пива с медом. Затем хор подступает к будущему свекру, которому

тоже поют величание и требуют с него денег, и к свекрови, которая за величание должна угощать всех пивом.

Следующий день – день венчания – был самым насыщенным и богатым событиями. Насколько он будет удачен, во многом зависело от дружки – главного распорядителя свадьбы, от его ловкости, остроумия, знания обычаев и порядков, умения выйти из любого затруднительного положения. За участие в свадьбе дружке платили деньгами и хлебом.

Утром за невестой прибывал свадебный поезд. Парни и девки закрывали ворота, не пуская его в деревню к невесте, останавливали лошадей. От поезжан выходил дружка. С шутками и прибаутками он платил выкуп, наливая парням пиво из припасенного боченка, а девок угощала сваха орехами – шариками из пшеничного теста, прожаренными в масле.

Поезд пропускали в деревню, он въезжает во двор невестиного дома. Родители невесты выходят встречать жениха, зовут поезжан в избу.

В это время сговоренка, сидя с подругами в «середе» (в кухне), начинает свои «слезные причитания», под аккомпанемент которых проходит все остальное действие:

Вы подруги мои милые,	Входят в сени нашей горенки.
Отгуляла, видно, с вами я.	Эти люди увезут меня,
Увезут меня в неизвестный край,	А куда увезут – мне неведомо.
Поселят меня во чужу семью.	Попрошу, подруги милые,
Не певати мне с вами звонких песенок.	Умоляю вас, красавицы,
Вот уж наши ворота отворяются,	Не оставьте вы меня одну,
На лихих лошадях во двор въехали,	Уж как мне-то горько станется,
Незнакомый люд по двору идет.	Горько станется расставатися,
Что-то, девушки, меня страх берет.	Со родным домом мне прощатися.

Поезжане входят в дом. Впереди идет дружка. Он громко произносит: « Мир дому сему! Сват и сваха! Мы приехали из соседней деревни к вам, не откажите в теплом приеме нам! Разрешите снять тулуп и рукавицы, кушаки и шапки положить на поллицы, а самим разместиться за столами, сватушка – хозяин, слово за вами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru